

Благословенно Имя Ее

*Ее «да»
было путем
к спасению
человечества.*

Автор Барбара Олейник

ПОСВЯЩЕНИЕ

За Матерь Всех и за всех, кто знает, что в конце концов Ее
Непорочное Сердце восторжествует.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава первая	7
Непорочное зачатие	7
Глава вторая Адские недра.....	12
Глава третья	15
Рождение Марии	15
Глава четвертая	20
Учение Марии	20
Глава пятая	23
Храм	23
Глава шестая	29
Смерть Иоакима	29
Глава седьмая	32
Глубины ада	32
Глава восьмая Смерть Энн	37
Глава девятая	39
Мэри достигает совершеннолетия	39
Глава десятая	41
Обручение Марии и Иосифа	41
Глава одиннадцатая	43
Мгновения творения	43
Глава двенадцатая	47
Благословенна ты среди женщин.....	80
Глава четырнадцатая	56
Путешествие в Вифлеем	56
Глава пятнадцатая	64
Рождение Христа	64
Глава шестнадцатая Презентация.....	69

Глава семнадцатая	74
Глава восемнадцатая	83
Мальчик Иисус	83
Глава девятнадцатая.....	88
Возвращение в Назарет.....	88
Глава двадцатая	92
Проповедь в храме	92
Глава двадцать вторая Смерть Джозефа	101
Глава двадцать третья	105
Его общественная жизнь приближается	105
Глава двадцать четвертая Жертвоприношение матери	108
Глава двадцать пятая Крещение Иисуса.....	112
Глава двадцать шестая	114
Искушение Иисуса	114
Глава двадцать седьмая Ученики Христа	117
Глава двадцать восьмая Публичные чудеса	119
Глава двадцать девятая Растущее служение....	123
Глава тридцатая	125
Преображение	125
Глава тридцать первая	125
Тайная вечеря	126
Глава тридцать вторая	129
Печаль Марии	130
Глава тридцать третья.....	132
Дорога на Голгофу	132
Глава тридцать четвертая	135
Воскрешение	135
Глава тридцать пятая	137
Вознесение Христа	137

Глава тридцать шестая.....	140
Пятидесятница	140
Глава тридцать седьмая	143
Битва добра и зла	143
Глава тридцать восьмая	147
Апостольский символ веры.....	147
Глава тридцать девятая	148
Смерть Джеймса	151
Глава сороковая Освобождение Петра.....	153
Глава сорок первая	157
Евангелия	157
Глава сорок вторая	161
Смерть нашего возлюбленного.....	161
Глава сорок третья	165
Вознесение Марии	166
Заметки автора	170

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фильм "Благословенно имя ее" - прозаическая экранизация "вдохновенного" сценария, написанного Барбарой Олейник в 2000 году. В ее основу легли духовные труды Марии Иисуса из Агреды, благочестивой францисканской монахини из Агреды, Испания, известной как МЭРИ де Агреда (1602–1665). Родившись в семье, посвященной Богу, она вместе с матерью поступила в монастырь Непорочного Зачатия в январе 1619 года, в то время как ее отец и два брата стали францисканскими монахами - неожиданно в двадцать пять лет папская диспенсация сделала ее настоятельницей. Умерла она с репутацией святой, и всего семь лет спустя, 21 июня 1672 года, Конгрегация обрядов при испанском дворе представила дело о ее канонизации.

Ее непреходящая известность связана не только с ее святой жизнью, но и с ее работой "Мистический град Божий". Задуманный в 1627 году, через девять лет после вступления в монастырь, он был начат по указанию ее духовника, и первые 400 страниц были написаны всего за двадцать дней. Несмотря на то, что поначалу она пыталась пресечь ее публикацию, копия была отправлена Филиппу IV, который давно проявлял к ней интерес. Позже, следуя наставлениям другого духовника, она сожгла все свои труды, но возобновила работу в 1655 году и завершила ее к 1660 году; посмертно она была напечатана в Мадриде в 1670 году.

Утверждает, что записывает божественные откровения,

В "Мистическом граде Божьем" подробно описаны тайны Божественной жизни и смерти Девы Марии, прославленной как Мать человечества и Царица Небесная. Изначально это был 4000-страничный

испанский текст, разделенный на четыре тома, но в 1885 году отцы-редемптористы перевели его на немецкий язык. Вдохновленный немецким изданием, священник из Чикаго отец Джордж Дж. Блаттер выучил испанский язык, чтобы сделать английский перевод, впервые опубликованный в 1912 году.

В сентябре 1999 года Барбара начала работать над своей дипломной работой в Нью-Йоркском университете - мюзиклом "Чудо Фатимы". Во время посещения местного католического книжного магазина она столкнулась со счастливой случайностью, когда "Мистический город Бога" буквально упал с полки книжного магазина ей на ногу. Пораженная этим произведением, она читала его в течение года, часто перечитывая главы из 1000-страничного тома. 8 декабря 2000 года она начала писать сценарий, чего никогда раньше не делала, и закончила 25 декабря. Эта новая экранизация сценария позволяет донести историю и божественную жизнь Богородицы до широкой аудитории. Ибо пришло время Ее триумфа!

ГЛАВА ОДНА

НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ

В 25 году до нашей эры деревня Назарет гудела, ее узкие улочки кипели энергией: торговцы зазывали покупателей, а дети пробирались сквозь толпу, игриво смеясь. Ритмичный стук кузнечного молота отражался от каменных стен, смешиваясь с болтовней продавцов, торгующихся о ценах. В воздухе витал запах теплого свежее испеченного хлеба, смешанный с земляным ароматом специй, корицы, кумина и кардамона, сыплющихся из плетеных корзин. Солнечный свет отблескивал на глиняных крышах, а отдаленное блеяние коз вливалось в симфонию повседневной жизни, рисуя картину города, живущего целями и традициями.

Группа женщин, одетых в длинные, струящиеся льняные туники глубокого синего, приглушенного красного и землистого кремового цветов, собралась в деревне.

На площади их голоса сплелись в оживленный хор смеха и разговоров. Они окружили двух более молодых женщин, обе были тяжело нагружены детьми, их руки нежно поглаживали округлившиеся животы, когда они шептали благословения и обменивались понимающими улыбками. В воздухе витало волнение, тепло сестринского чувства окутывало их, как уютная шаль. Солнечный свет плясал на их лицах, глаза блестели от предвкушения, а ритмичный шелест тканых юбок и слабый аромат лаванды и печеного инжира разносились по ветру, отмечая этот момент как радость, надежду и обещание новой жизни.

Пожилая пара целеустремленно двигалась сквозь шумную толпу, их присутствие было ровным, но сдержанным. Иоахим, крепкий,

несмотря на годы, шел со спокойным достоинством, его обветренные руки были сцеплены за спиной, и он повторял осторожные шаги своей жены. Рядом с ним шла Анна с грацией, притупленной печалью, ее испещренное чертами лицо было омрачено болью, слишком глубокой для слов. Ее глаза, некогда яркие от молодости, теперь смотрели отстраненно и тоскливо, отражая груз, который она несла в молчании. Складки ее плаща слегка развевались при каждом шаге, ткань была поношенной, но величественной, как и сама женщина.

Когда они подошли к группе женщин, Йоахим заметил, как взгляд Анны задержался на беременных женщинах, а ее рука инстинктивно легла на бесплодный живот. Он наклонился поближе, его голос звучал нежно.

"Энн... не надо".

Анна принужденно улыбнулась, хотя глаза выдавали ее боль. "Йоахим, я в порядке. Давайте пожелаем им всего хорошего. Они скоро получают такие чудесные дары от Бога. Как они благословенны!"

Они подошли к группе, и смех женщин затих, а их глаза неловко метнулись к Анне. Она приветствовала их теплой улыбкой, хотя сердце ее болело, слова были искренними.

"Ты скоро должна родить, Рейчел, и ты тоже, Сюзанна. Как вы думаете, может, на этот раз у каждой будет по мальчику? Может, мне молиться о дочерях для вас?"

Одна из женщин, ее тон был резким и недоброжелательным, ответила: "Ты должна молиться за себя, Анна".

Группа разразилась хохотом, их голоса резали воздух, как нож. Другая женщина, ободренная жестокостью первой, повернулась к Йоахиму.

"Иоахим, у меня есть прекрасная младшая сестра. Она готова и вполне созрела для того, чтобы подарить тебе ребенка, который тебе нужен. Наш закон гласит, что ты можешь взять новую жену, если старая стала похожа на засохший кусок земли".

У Йоахима сжались челюсти, но он ничего не сказал. Вместо этого он осторожно отвел Анну от группы, и сердце его оборвалось при виде боли, написанной на ее лице.

Яркие краски дня уступили место холодному серебристому свету полной луны. Деревня Назарет лежала в тишине под звездным небом, каменные дома отбрасывали длинные тени в лунном свете, пока он не упал на скромное жилище Йоахима и Анны.

Стоя на коленях в молитве, они склонили головы и сцепили руки в тихой преданности. В комнате стояла тишина, лишь тихий рокот их голосов возносился к небесам, как фимиам. Голос Иоахима, ровный и благоговейный, первым нарушил тишину. Он начал, в его словах звучали надежда и тоска

"Всемогуций Отец, мы продолжаем молиться о приходе Мессии. Того, кто станет спасением человечества. Пусть Его Слово станет всем, что человек знает и чем живет. Твой гнев сдерживается в те времена, когда он кажется столь необходимым, как велика Твоя любовь к Твоим детям, Господи. Но они не боятся Твоего могущества и не почитают славы Твоего величия".

К его голосу присоединился голос Анны, более мягкий, но не менее пылкий, ее слова дрожали под тяжестью многолетних молитв, оставшихся без ответа. *"Святейший Отец, Господь всего сущего, я продолжаю молиться о рождении ребенка, чтобы мы могли чтить законы нашей веры. Это дитя мы посвящаем Тебе. Мы молимся, да будет воля Твоя и да свершится она".*

Их молитвы витали в воздухе, как священное приношение веры и сдачи, а мерцающий свет единственной масляной лампы отбрасывал их тени на стены. Их молитвы будут услышаны так, как никто из них и представить себе не мог.

Прошло десять лет с тех пор, как Иоахим и Анна впервые начали горячо молиться о ребенке. Времена года сменились, и теперь деревня лежала в тихой неподвижности зимы. Пейзаж, некогда оживленный летним теплом, теперь был суровым и холодным, деревья голыми, а земля затвердела от мороза. В их скромном доме годы наложили свой отпечаток на Иоахима и Анну. На их лицах проступили морщины времени, волосы посеребрились, но их вера оставалась непоколебимой.

Они снова преклонили колени в молитве, их голоса звучали в унисон, свидетельствуя об их неизменной преданности. Но на этот раз, когда они молились, внезапный и лучезарный свет заполнил комнату, поглотив их своим сиянием. Перед ними появился молодой и поразительно красивый мужчина, его присутствие было одновременно бесплотным и осязаемым. Это был ангел Гавриил, его облик сиял божественным светом, а голос был мягким и в то же время властным.

"Я Гавриил, посланный Святой Троицей с этим посланием - вы, Иоахим и Анна, проявившие себя как благочестивые слуги, которые в непрерывной молитве об искуплении человечества и пришествии Мессии пришли к Нам и были услышаны в Нашей милости. Была услышана и ваша молитва о ребенке. Мы обещаем вам, по благосклонности Нашей десницы, что вы получите Плод Бенедикции. Анна, хотя и бесплодная, чудесным образом зачнет дочь, которой Мы дадим имя МЭРИ. Она будет благословенной среди женщин. Все народы будут знать ее как Благословенную. Ибо любовь смягчила сердце Всемогущего и ускорила Его милости к человеку. Дочь эта будет прекрасна во всех своих делах и во всей

своей жизни. С самого детства пусть она будет посвящена Богу, как ты обещал. Она будет избранной, возвышенной, сильной и полной Святого Духа. О зачатии Младенца возрадуется все небо и земля".

Свет вокруг Анны стал еще ярче, и Гавриил обратился к ней, говоря наедине. *"Мы создадим в тебе совершенное произведение, которое станет объектом Нашего всемогущества, образцом совершенства, предназначенного для Наших детей, и завершающим венцом творения. В Нее, которая будет свободна от греха, Мы вложим все милости и блага, дарованные и затем утраченные первым человеком. Ты один будешь знать, что МЭРИ станет порталом жизни и спасения для сыновей Адама".*

С этими словами ангел Гавриил исчез, а свет, окружавший супругов, померк, оставив их в ошеломленном молчании.

Зима уступила место мягкому теплу позднего лета. Энн, уже заметно подросшая, работала в саду, заботливо ухаживая за растениями. Над ней в воздухе висела мимолетная белизна - неясное, но ощутимое присутствие. Энн тихонько напевала с лицом, сияющим от радости. Проходивший мимо сосед остановился, чтобы поприветствовать ее.

"Энн, это ведь ненадолго, правда?" - спросила женщина, ее тон был любопытным и теплым.

Энн улыбнулась, положив руку на свой округлившийся живот. *"До конца лета еще два месяца".*

"И что ты думаешь? Мальчик? Девочка?"

Энн тихонько засмеялась, сверкнув глазами. *"Чудо в моем возрасте!"*

Обе женщины рассмеялись, их голоса разлетелись по ветру.

ГЛАВА ДВА

НЕДРА АДА

Глубоко под землей адские недра кипели от неумолимой, ненасытной ярости. Пламя ревело, как живые звери, языки огня лизали зазубренные, почерневшие скалы, отбрасывая дикие, мерцающие тени, которые плясали, словно измученные души. Сама земля пульсировала от жара, трескалась и расплавлялась, сочась реками жидкого огня, прокладываящими путь через бездну. В воздухе висел едкий запах серы и эхо мучительных стенаний - их скорбь была вплетена в саму ткань inferнального пространства. В промежутках между пламенем нависала тьма - не отсутствие света, а всепоглощающая, удушающая пустота, давящая на проклятых, словно невидимая рука. Это было место бесконечных мучений, где время теряло смысл, а отчаяние цеплялось за воздух, как удушливый туман, окутывая всех, кто осмеливался попасть в его объятия.

Люцифер, грозно возвышаясь над землей, расхаживал взад-вперед, его движения были взволнованными. Внезапно он откинул голову назад и издал истошный рев, его голос эхом разнесся по бездне. Он раскинул руку, вглядываясь в нее, и перед ним возник образ смеющихся Энн и ее соседки. Он увидел, как Энн положила руку на свой беременный живот, и ее радость была несомненной.

Рука Люцифера сжалась в кулак, и он издал гортанный стон, его ярость стала ощутимой.

Позже, в своем доме, Энн сидела у окна, ее пальцы ловко сшивали нежную детскую одежду. Золотистый послеполуденный свет проникал сквозь деревянные ставни, отбрасывая теплые узоры на земляной пол. Легкий ветерок шевелил ткань на ее коленях, донося слабый аромат розмарина и свежее испеченного хлеба. Снаружи доносился тихий гул деревенской жизни, отдаленные

голоса, изредка бляение козы, но в этих стенах все было спокойно, это было святилище тихой преданности.

Затем, без предупреждения, воздух изменился. Из комнаты ушло тепло, сменившись неестественной прохладой, от которой затрещала кожа. Мягкий свет померк, словно само солнце отпрянуло. На грудь опустилась тяжесть, плотная и удушающая. Мерцающая масляная лампа дрожала, ее пламя уменьшалось, а в самом дальнем углу сгущалась тьма, богаче тени.

А потом он оказался там.

Появился Люцифер, его присутствие исказило пространство вокруг него - фигура ужасной красоты и всепоглощающего ужаса. Его глаза, похожие на тлеющие угли, впились в нее, и хотя его лицо было вырезано с совершенством ангела, оно было омрачено чем-то более глубоким, древней яростью, печалью, превращенной в нечто жестокое. Сам воздух вокруг него пульсировал невидимой силой, давя на нее, угрожая задушить покой, который несколько мгновений назад наполнял комнату. Игла Энн выскользнула из ее пальцев, забытая, и она уставилась в лицо самой тьме.

Его внешность была скорее человекоподобной, чем звериной, хотя его присутствие было не менее ужасающим. Он начал ругать ее, в его голосе звучала злоба.

"Посмотри на себя, такая старая, увядшая женщина с ребенком. А Иахим еще старше тебя. Это ведь не его, правда? Ты прелюбодейка. Ты радуешь меня. Ты, которая молишься Богу с таким благочестием, носишь свой грех в животе".

Анна упала на колени и зарыдала, инстинктивно прикрыв руками живот, чтобы защитить нерожденного ребенка. Прежде чем Люцифер успел произнести хоть слово, внезапное сияние разорвало гнетущий мрак. В одно мгновение к нему спустились два небесных существа, осветив комнату сиянием, которое бросало вызов самой тьме, исходящей от павшего ангела.

Один из ангелов пронесся вниз с головокружительной быстротой, его массивные крылья развернулись, словно щит из чистого света, окутав Анну барьером божественной защиты. Воздух вокруг нее,

некогда густой от ужаса, теперь наполнился неземным теплом, успокаивающей силой, которая отбросила удушающую хватку зла.

Второй ангел стоял, возвышаясь над Люцифером и излучая непоколебимую власть. Его глаза горели небесным огнем, а одежды сверкали, как расплавленное золото. Не раздумывая, ангел заговорил голосом, богатым и властным, в каждом слове ощущалась сила Всемогущего.

"Ты больше не войдешь в этот дом", - провозгласил ангел, и его голос потряс воздух. "Разве вы не видите? Анну охраняем мы, слуги Господни. Уходите, ибо нет вам здесь места!"

Казалось, сами стены дома вибрируют от тяжести произнесенного слова. Тьма отпрянула, шипя, как раненая змея, и некогда внушительный облик Люцифера дрогнул, а его ярость столкнулась с непреодолимой силой.

Глаза Люцифера сузились, а в голосе зазвучал яд. *"Почему Он охраняет такую жалкую женищину, вынашивающую незаконнорожденного ребенка? Он скребет дно бочки для верующих"*.

Голос ангела был тверд. *"Уходи и знай, что Анна никогда не останется одна"*.

Форма Люцифера начала рассеиваться, но его голос остался, как леденящее эхо. *"И я наблюдаю. Я всегда наблюдаю"*.

Когда его присутствие исчезло, его голос унесся в бездну, напоминая о его неумолимой злобе. *"Почему такие, как она, так беспокоят меня? Если понадобится, я покончу с ее жизнью. Что бы ни потребовалось, чтобы вернуться в мирное состояние"*.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОЖДЕНИЕ МАРИИ

Два месяца спустя деревня Назарет лежала в мягком сиянии полной луны, ее свет отбрасывал длинные тени на ландшафт. Ночь была тихой, а воздух хрустел от предвкушения рассвета. На холме, возвышающемся над деревней, Иоаким стоял на коленях в молитве, его силуэт четко вырисовывался на фоне освещенного луной неба. Его руки были сцеплены, а голова склонилась, когда он тихо выражал свою благодарность и просьбы.

Мягкий луч луны проникал в комнату небольшого каменного дома, где лежала Энн в родовых муках. Однако в отличие от обычных криков и схваток роженицы, комната была наполнена каким-то потусторонним спокойствием. Анна сидела прямо, ее лицо было безмятежным, словно ее не трогали родовые муки. Акушерки перемещались по комнате, их лица выражали благоговение и замешательство.

"Энн, - прошептала одна из акушерок, в ее голосе слышалось удивление, - я никогда такого не видела. Ни одной боли. Странно, не правда ли, сестра?"

Вторая акушерка тихонько хихикнула, хотя ее глаза выдавали ее изумление. *"Возможно, дело в ее возрасте. Если бы я знала, что это будет так легко, я бы сама подождала. Смотрите, ребенок появляется на свет".*

Энн, спокойная и уравновешенная, протянула руку, когда акушерка осторожно положила новорожденную ей на руки. Новорожденная девочка была завернута в мягкое белье, приготовленное к ее появлению, и ее хрупкая фигурка была прижата к груди с величайшей заботой. Но когда она лежала на руках у

матери, произошло нечто необычное: ее кожа словно светилась светом не от мира сего, нежным, небесным сиянием, которое могли воспринимать только Анна и ангелы. Оно мерцало, как первый румянец рассвета, едва уловимое, но неоспоримое, тихое признание божественного прикосновения к ее жизни.

Акушерки, не обращая внимания на небесное сияние, но чувствуя что-то необычное, обменялись многозначительными взглядами. Их руки, привыкшие к трепету новой жизни, слегка подрагивали, когда они в безмолвном благоговении смотрели на ребенка.

Наконец первая акушерка обрела голос, хотя это был едва ли больше чем шепот. *"Девочка!"* - вздохнула она с удивлением в голосе. *"Анна, у тебя дочь. Посмотрите на нее, изысканная, безупречная. Такая совершенная"*.

Вторая акушерка кивнула, ее пальцы нежно провели по мягкой щечке младенца. В комнате воцарилась тихая благоговейная атмосфера, в воздухе витало что-то невысказанное, но глубоко прочувствованное. Ни одна из женщин не знала, что сами небеса приклонились, чтобы присутствовать при рождении младенца, которому было суждено нести спасение человечеству.

Энн прижала ребенка к себе, и ее сердце заколотилось от любви, которая превосходила все слова. Казалось, комната светится нежным светом, исходящим из сердца ребенка, - божественное присутствие наполняло пространство теплом и покоем. Вторая акушерка улыбнулась, ее тон был легким, но наполненным восхищением. *"Похоже, вам не нужны такие, как мы. Ты прекрасно справилась, Анна, гораздо лучше, чем я предполагала. Пойдем, сестра, оставим новоиспеченную мать с ее ребенком. Наконец-то Бог благословил тебя. Спокойной ночи, Анна"*.

Когда акушерки открыли дверь, чтобы уйти, первые признаки рассвета окрасили небо в яркие оттенки розового и золотого. Вторая акушерка тихонько рассмеялась. *"Вы хотели сказать "доброе утро". Давайте поделимся хорошими новостями с Иоахимом!"*

Дверь за ними закрылась, и комната вновь залилась мягким светом восходящего солнца. Энн сидела наедине со своей новорожденной дочерью, солнечные лучи проникали сквозь щели окна и освещали крошечную фигурку ребенка. Энн нежно рассматривала свою малышку, трогая ее нежные пальчики на руках и ногах, удивляясь чуду, которое она держала на руках. Свет, излучаемый сердцем ребенка, казалось, становился все ярче, наполняя комнату священным сиянием.

Переполненная эмоциями, Анна прижала ребенка к себе и упала на колени, ее голос дрожал от благодарности и благоговения. *"Господи, Создатель всего живого и самого могущественного, в Своей бесконечной мудрости Ты дал мне этого ребенка . Благодарю Тебя. Но теперь я должна спросить, как мне заботиться о том, кого только Ты сочтешь носителем Вечного Слова? Как мне обращаться с той, кто станет Матерью Твоего Сына?"*

Голос, мягкий и в то же время властный, наполнил комнату. *"Внешне вы должны заботиться о ней, как мать заботится о своем ребенке, без демонстрации почтения, но внутренне сохраняя это почтение"*.

Внезапно комната озарилась сиянием, превосходящим земное понимание. Появилось множество ангелов, их сияющие формы переливались, как огонь и жемчуг, наполняя каждый уголок скромной палаты божественным светом. Их одеяния струились каскадами, как жидкое золото, а крылья распускались в сияющем великолепии, будоража воздух шепотом небесной благодати.

Затем, словно сами небеса приблизились, зазвучала мелодия - гимн, такой чистый, такой мучительно прекрасный, что, казалось, сами стены гудели от его резонанса. Ангельские голоса сплелись в совершенной гармонии, в хвалебной песне, которая трепетала от радости и благоговения перед новорожденным ребенком, Марией. Это был звук, предназначенный не только для смертных ушей, но и для потусторонних миров, возвещающий небесам о том, что в мир пришел избранный Богом.

Энн, прижимая к себе дочь, чувствовала, как музыка окутывает ее, словно теплый свет, а сердце замирает от благоговения. Воздух

мерцал, словно ткань между небом и землей стала тоньше, и в этот священный момент она поняла, что ее ребенок благословлен, что ему уготована судьба, превосходящая воображение.

Свет, исходящий из сердца младенца, становился все ярче, превращаясь в проводник, через который слова Бога передавались непосредственно ребенку, который понимал все, что говорилось.

Раздался голос Бога: *"Возлюбленные мои, на земле Слово будет иметь вас как Свою Мать, без отца, как на небесах у Него есть Отец без матери. Промыслом Нашим пришло время, когда должен ожить свет, существо в человеческом облике, освобожденное от греха, которое должно сокрушить голову змея. Настал час, столь благословенный для смертных, в который должны открыться сокровища Нашей Божественности и отвориться врата небес. Пусть же род человеческий приготовится, ибо вскоре им предстоит примите Учителя, Брата и Друга, ибо Он будет Агнцем Божьим, Который возьмет на Себя грехи мира"*.

Затем, обратившись к Гавриилу, Бог повелел: *"Отправляйся в пещеры Лимба. Скажи Еноху, Илии, святым отцам и праведникам, которые ждут там уже тысячи веков, что скоро наступит искупление человечества"*. Рождение Марии, Божьей Матери, произошло 8 сентября 14 года до нашей эры. Это был момент, который определил план спасения человека.

С этими словами Габриэль исчез, его сияющая форма растворилась в неизвестности, как звезда, исчезающая в просторах рассвета. В комнате вновь воцарилась тишина, но в ней все еще пульсировало тепло его присутствия. Анна, оставшись наедине со своей новорожденной дочерью, смотрела на Марию, и сердце ее разрывалось от неопишуемой смеси любви, удивления и благоговения.

Однако она была не совсем одинока.

Остальные ангелы оставались рядом, их бесплотное сияние мягко освещало комнату. Хотя они не говорили, их присутствие было безмолвным провозглашением, клятвой защиты, которая продлится дольше этого момента, дольше этой ночи, дольше самого времени.

Они стояли как невидимые часовые, охраняя ребенка, чье имя однажды прозвучит в веках.

Легкий ветерок прошелестел по комнате, неся с собой ощущение покоя и спокойной уверенности в том, что Мэри никогда не останется без присмотра.